

ДЕВЯТЬ ДУШ

NINE SOULS

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

Девять душ

«Автор»

2026

Ефимова О.

Девять душ / О. Ефимова — «Автор», 2026

Ленинград, 1975 год. В малом зале консерватории собираются девять лучших скрипачей страны. Они должны тайно записать «Чакону» Баха. Маэстро Кроу приносит скрипку из чёрного дерева с инкрустацией аконита. «Этот инструмент запомнит ваши души, — говорит он. — Играйте идеально». На сорок седьмом такте юная Надя Грей берёт фальшивую до-диез. Через час она разбивается в машине. Остальные восемь клянутся молчать. Наши дни. Антон Малевич найден мёртвым в запертой студии: в груди — смычок, в левой руке — аконит. Полиция называет это самоубийством, но частный детектив Лео Грей — отец Нади — замечает: покойный был правшой, а оружие вложено в левую руку. На осколке зеркала — отпечаток пальца Лео. Он не был на месте преступления. Или был? Когда за двадцать восемь дней погибают ещё двое участников той записи, Лео понимает: убийца воспроизводит круг девяти душ. Чтобы остановить череду смертей, ему придётся не просто найти виновного, а услышать музыку, которую он не слышал пятьдесят лет.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пролог. 1975 год	5
Глава 2. Лео Грей	7
Глава 3. Студия Малевича	11
Глава 4. Отпечаток	14
Глава 5. Похороны	17
Глава 7. Черный лак	24
Глава 8. Дмитрий Орлов	28
Глава 9. Связь	31
Глава 10. Архивы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Ефимова

Девять душ

Глава 1. Пролог. 1975 год

Ленинградская консерватория задыхалась от тишины, какая бывает только перед грозой. Девять человек — лучшие скрипачи страны — стояли в полумраке малого зала, не глядя друг на друга. Слухи об этой записи не должны были просочиться наружу: ни один дирижёр, ни один чиновник от культуры не знал, что сегодня здесь будут играть Баха. Только они. И она.

Маэстро Кроу, слепой старик с лицом, изрезанным морщинами, как старая дека, внёс футляр. Открыл. Внутри, на чёрном бархате, лежала скрипка, какой никто из присутствующих не видел прежде. Чёрное дерево, казалось, поглощало свет, а по бокам — тонкая инкрустация: ядовитые цветы аконита, вырезанные с такой точностью, что они будто дышали.

— *Aconitum*, — произнёс Кроу, и голос его прозвучал глухо, как из-под земли. — Она старше, чем вы думаете. Она слышала больше, чем все вы вместе. Этот инструмент запомнит ваши души. Играйте идеально.

Он протянул скрипку первой скрипке — Наде Грей. Девушке едва исполнилось двадцать два, но её уже называли гением. Она взяла инструмент осторожно, как ребёнка, и встала в центр круга. Остальные подняли смычки.

Тишина сгустилась.

И началась Чакона.

Звук поплыл — тягучий, тёмный, как река в ноябре. Надя закрыла глаза. Она знала эту музыку наизусть, каждой клеткой. Но сегодня что-то было иначе. Скрипка вибрировала сильнее, чем нужно, будто сама вела её руку. Кроу стоял в углу, не шевелясь, и только пальцы его слегка подрагивали в такт.

Они дошли до сорок седьмого такта.

И Надя взяла до-диез.

Фальшиво.

Нота вырвалась — на полтона ниже, режущая, как битое стекло. Все девять смычков замерли одновременно. В наступившей тишине было слышно, как где-то капает вода.

Надя открыла глаза. Лицо её побелело. Она посмотрела на свои пальцы, будто не веря, что они могли предать её.

Маэстро Кроу сделал шаг вперёд. Губы его сжались в тонкую линию. Он медленно повернул голову к девушке, и хотя глаз его не было видно за тёмными очками, все почувствовали: он смотрит сквозь неё.

— Кто-то умрёт за эту фальшь, — произнёс он. Слова упали, как приговор.

И в тот же миг скрипка в руках Нади издала низкий, утробный гул — как будто внутри неё проснулось что-то живое. Девушка вскрикнула и выронила инструмент. Тот ударился о пол, но не разбился, а лишь загудел громче, заполняя зал вибрацией, от которой заложило уши.

Группа распалась. Кто-то отшатнулся, кто-то замер, не в силах двинуться.

Надя попятилась. В глазах её плескался ужас.

— Я... я не хотела... — прошептала она.

А потом она побежала.

Тяжёлая дверь захлопнулась за ней с грохотом. Шаги простучали по коридору, стихли.

Оставшиеся восемь переглянулись. Никто не произнёс ни слова.

Надя выскочила на улицу. Ледяной ветер ударил в лицо, но она не чувствовала холода. В висках стучало: *кто-то умрёт, кто-то умрёт, кто-то умрёт*. Она села в свою старую «Волгу», повернула ключ. Двигатель взревел. Она рванула с места, не глядя на дорогу.

Город пролетал мимо — мокрый асфальт, жёлтые фонари, чёрная вода каналов. Надя гнала к мосту через Неву. В голове всё ещё звучал тот гул — низкий, неотступный, как будто скрипка ехала с ней. Она бросила взгляд в зеркало заднего вида. На заднем сиденье, которого не должно было быть, лежал раскрытый футляр. Пустой.

Или нет?

Руки задрожали. Машину занесло.

Раздался визг тормозов — слишком поздно. «Волга» пробила ограждение и полетела вниз, в чёрную воду.

В последнюю секунду Надя успела подумать не о себе, а о ноте. *До-диез. Она была неправильной. Но почему скрипка...*

Удар. Тьма.

На следующее утро милиция объявила: несчастный случай. Машина не справилась с управлением на мокрой дороге. Тело нашли в реке, запутавшееся в обломках.

Восемь скрипачей, оставшихся в живых, собрались в том же зале. Кроу стоял перед ними, держа в руках Aconitum. На чёрном дереве не было ни царапины. Только в том месте, где смычок касался струны, появилась тонкая тёмная капля, похожая на застывшую кровь.

— Мы никому не, скажем, — произнёс один из них. Остальные молча кивнули.

Кроу ничего не ответил. Он лишь погладил скрипку, как живое существо, и прошептал:

— Она запомнила. И она ждёт.

Они разошлись, поклявшись молчать.

Но где-то в глубине зала, когда последняя дверь закрылась, скрипка снова издала тот самый низкий гул. Тихий. Почти нежный. И в этом гуле, если прислушаться, можно было различить одну-единственную ноту.

До-диез.

Идеальную.

Наконец-то.

Глава 2. Лео Грей

Дождь барабанил по подоконнику, как нетерпеливый следователь — требовал, чтобы его пустили. Лео Грей лежал на узкой кровати и смотрел в потолок, по которому расплзалось мокрое пятно. В последнее время он часто просыпался до рассвета и лежал так, прислушиваясь к звукам старого дома: как скрипят половицы у соседей, как воет ветер в вентиляции, как где-то далеко, за стеной, играет радио — тихо, почти неслышно.

Он не включал музыку. Уже много лет.

Телефон зазвонил в шесть утра. Лео не пошевелился. Звонок повторился — настойчивый, резкий, как удар смычка по струне, настроенной слишком высоко. Тогда он сел, провёл ладонью по лицу и снял трубку.

— Грей слушает.

В трубке трещало. Потом прорвался голос — торопливый, сбивающийся:

— Лео, это Марк. Марк Руднев, из отдела. Помнишь меня?

Лео помнил. Марк работал в убойном, когда-то они вместе раскручивали дело о серийном отравителе. Лет десять назад. Марк был молод, горяч, верил в справедливость. Теперь, судя по голосу, от веры осталась только усталость.

— Что случилось?

— Тут у нас странное. Мёртвый мужик в студии на Литейном. Дверь заперта изнутри. Похоже на самоубийство, но...

— Но? — Лео уже поднялся, искал ботинки.

— Но ты должен это увидеть. Ты знал его. Антон Малевич. Скрипач.

Рука Лео замерла над шнурком. Имя ударило под рёбра, как тупой предмет. Малевич. Антон. Когда-то они стояли в одном зале. Когда-то они поклялись молчать. И вот теперь — он.

— Я приеду, — сказал Лео и повесил трубку.

Он оделся быстро, не глядя в зеркало. Чёрное пальто, серый шарф, старый кожаный портфель, в котором лежало всё, что могло пригодиться: блокнот, фонарик, пара перчаток, диктофон. Лео был частным детективом, и его методы мало изменились со времён службы. Изменилось только одно: он больше не верил в случайные совпадения.

Такси ехало по мокрому городу. Литейный проспект тонул в сером свете, прохожие прятались под зонтами, и только вода блестела на асфальте, как расплавленное стекло. Лео смотрел в окно и думал о том, что смерть всегда приходит с опозданием. Иногда на пятьдесят лет.

Студия Малевича находилась в старом дворе-колодце, где пахло кошками и сыростью. Дверь подъезда была приоткрыта, возле неё курил молодой оперативник в гражданском. Увидев Лео, он выпрямился:

— Вы Грей? Вам сюда.

Лео поднялся на третий этаж. На площадке толпились люди в форме, но расступились, пропуская его. Квартира встретила тишиной — той особенной, которая бывает в местах, где только что закончилась жизнь.

Марк Руднев ждал в прихожей. Он был небрит, под глазами — синяки, но держался прямо.

— Спасибо, что приехал, — сказал он и пожал Лео руку.

— Что здесь?

— Смотри сам.

Лео прошёл в комнату и остановился.

Студия была просторной, с высокими потолками и окном в пол. Свет лился серый, холодный, как в морге. На полу — разбитое зеркало. Осколки блестели, отражая небо. Посреди комнаты, в кресле с высокой спинкой, сидел Антон Малевич.

Он был мёртв.

Голова запрокинута назад, глаза полузакрыты, рот приоткрыт. В груди, чуть левее, торчал смычок — деревянная трость пробила одежду и вошла глубоко в тело, почти до половины. Кровь запеклась вокруг раны тёмным пятном. Левая рука Малевича лежала на колене, ладонью вверх, и в ней был зажат аконит — свежий, с ярко-синими лепестками, как будто его только сорвали. В правой руке — ничего.

Лео сделал шаг ближе. Он знал Малевича давно, ещё с тех времён, когда они вместе играли в оркестре. Антон был правшой. Всегда. Лео помнил, как он держал смычок — уверенно, крепко. И вот теперь смычок в груди, а в руке — цветок. Левая рука. Это неправильно.

— Что скажешь? — спросил Марк, наблюдая за его реакцией.

— Он правша, — сказал Лео. — А смычок в левой.

— Заметили. Но эксперты говорят, самоубийство возможно и левой, если есть мотив. Мол, ритуальное что-то.

— Ружьё в руке не с той стороны, — Лео покачал головой. — Это не самоубийство.

Он огляделся. На столе у стены стояла музыкальная шкатулка — маленькая, деревянная, с бронзовой крышкой. Лео подошёл. Крышка была открыта, внутри крутился валик с тонкими шипами. Он поднёс пальцы, не касаясь, и увидел, что штифты ещё двигаются, но музыка не звучит. Пружина разрядилась не до конца — замерла на последнем обороте. Лео едва заметно повернул ключ на пол-оборота, и шкатулка ожила.

Она играла Чакону.

Но не хватало одной ноты. Мелодия обрывалась, как будто кто-то вырвал финальный звук из валика. Лео слушал, и внутри у него холодело. Он знал эту вещь наизусть. Он знал, какая нота должна быть следующей. До-диез.

— Марк, — произнёс он, не оборачиваясь, — билет. В кармане.

Марк нахмурился, но подошёл к телу, осторожно, пальцами в перчатках, вытащил из нагрудного кармана пиджака сложенный прямоугольник. Развернул.

— Билет в филармонию. Ложа Б, место семь. Пометка ручкой: «9 концерт».

Лео закрыл глаза. Девять. Девятый концерт. Девятая душа. Он не верил в мистику, но цифры складывались слишком точно.

— Полиция думает, что он сам воткнул смычок? — спросил Лео.

— Они склоняются к самоубийству на почве психического расстройства. Вон, видишь, аконит — ядовитое растение. Может, он наелся или укололся, и на фоне галлюцинаций...

— Аконит в левой руке, — перебил Лео. — Зачем правше класть цветок в левую? Если он хотел что-то держать перед смертью, он бы взял правой. Это инсценировка.

Марк вздохнул.

— Я потому и позвал тебя. Ты знаешь этих людей. Малевич, Блэк, Орлов — всё одна тусовка старых музыкантов. Может, подскажешь, что здесь происходит.

— Ирина Блэк? — Лео повернулся. — Она жива?

— Жива, наверное. А что?

— Ничего. Просто вспомнил.

Лео снова оглядел комнату. Что-то было не так, помимо очевидного. Он наклонился к разбитому зеркалу. Осколки лежали на полу, и в одном из них отражался свет так, что казалось, будто в стекле застыла картинка — часть потолка, кусок окна. Лео машинально поднял один осколок, повертел в пальцах. И тут его внимание привлекло пятно на стекле — маленькое, едва заметное, но чёткое.

Отпечаток пальца.

На внутренней стороне осколка, как будто кто-то трогал его до того, как зеркало разбилось. Лео поднёс осколок к свету. Узор папиллярных линий был ясным, читаемым. И отчего-то знакомым.

У него похолодели руки.

Он знал этот отпечаток. Он видел его сотни раз. На дверной ручке своей квартиры. На стакане, из которого пил. На документах, которые подписывал.

Это был его собственный отпечаток.

Лео замер. Палец завис над осколком. В комнате стало тихо, только шкатулка всё ещё тикала, отсчитывая пустоту вместо финальной ноты. Марк что-то говорил, но голос доносился издалека, как из-под воды.

Лео не был в этой студии. Он не прикасался к этому зеркалу. Он не мог оставить этот отпечаток.

Или мог?

Память услужливо подбросила пустоту. Прошлая неделя. Вечер, который он не мог вспомнить. Провал, как старая плёнка с вырезанным кадром. Лео тряхнул головой. Нет. Он был дома. Он пил чай, читал газету. Он не выходил.

Но отпечаток был здесь.

Он сжал осколок в пальцах, чувствуя, как стекло врезается в кожу. Боль была настоящей. Реальность — нет.

— Лео? — Марк тронул его за плечо. — Ты чего?

— Я... — Лео заставил себя вдохнуть. — Посмотри на это.

Он протянул осколок. Марк взял, нахмурился, покрутил в руках.

— Отпечаток. Криминалисты должны были заметить.

— Позови их.

Через минуту пришёл эксперт с порошком и кисточкой. Он аккуратно обработал осколок, подул, и на тёмном стекле проступили линии — чёткие, будто выгравированные. Эксперт сфотографировал, приложил к сканеру. Прошло несколько минут. Марк ждал, переминаясь с ноги на ногу. Лео стоял неподвижно, глядя в пол.

Наконец эксперт поднял голову:

— Есть совпадение в базе.

— И? — нетерпеливо спросил Марк.

Эксперт перевёл взгляд с монитора на Лео, и в его глазах мелькнуло замешательство.

— Отпечаток принадлежит... Лео Грею.

В комнате повисла тишина. Даже шкатулка, казалось, перестала тикать. Все посмотрели на Лео.

— Ты был здесь? — спросил Марк тихо, но в голосе его уже звенело подозрение.

— Нет, — сказал Лео. И это было правдой.

— Тогда как?

Лео не ответил. Он смотрел на свои руки — на правой ладони, там, где осколок врезался в кожу, набухла капля крови. Красная, яркая, живая. Прямо над линией жизни.

— Я не знаю, — сказал он, наконец. — Но я это выясню.

Он повернулся и вышел из комнаты, чувствуя на спине взгляды. Марк окликнул его, но Лео не остановился. Он спускался по лестнице, и шаги его отдавались гулко, как удары метронома.

Снаружи снова пошёл дождь. Лео стоял под карнизом, смотрел на мокрый двор и пытался вспомнить прошлую неделю. Провалы в памяти случались всё чаще. Иногда он просыпался в собственной квартире, но не помнил, как туда попал. Иногда находил в карманах билеты на поезда, на которых не ездил. Записки, написанные его почерком, но не его мыслями.

Он боялся, что сходит с ума.

Но теперь страх был другим: а вдруг он не сходит с ума? Вдруг кто-то играет им, как марионеткой? Кто-то, кто знал о записи 1975 года. Кто-то, кто хотел, чтобы Лео оказался на месте преступления.

Он достал телефон, нашёл в контактах номер Веры Лебедевой — дочери Малевича. Палец завис над кнопкой вызова. Он не знал, что ей сказать. «Ваш отец мёртв, и я, кажется, оставил отпечаток на месте преступления»? Нет.

Он набрал другой номер.

— Марк, — сказал он, когда на том конце ответили. — Узнай, кто ещё был в этой студии за последнюю неделю. Соседи, камеры, всё. И ещё... проверь, не пропадал ли я из дома прошлым вечером. Я серьёзно.

Марк помолчал.

— Ты что, сам себя подозреваешь?

Лео посмотрел на тёмное небо. Капли стекали по его лицу, как слёзы.

— Нет, — ответил он. — Но кто-то хочет, чтобы подозревали меня. А это значит, что я на верном пути.

Он отключился и шагнул под дождь. Вода стучала по плечам, по старому портфелю, по мостовой. Вдалеке, за пеленой, мигал жёлтый светофор — как метроном, отсчитывающий ритм Чаконь.

Той самой, что звучала в его голове уже пятьдесят лет.

И впервые за эти годы он подумал, что, возможно, музыка не была фальшивой. Возможно, фальшивым был он сам.

До-диез, которой не хватало в шкатулке, всё ещё звенела в воздухе. Настойчиво. Требовательно.

Она звала его.

Глава 3. Студия Малевича

Лео не спал всю ночь. Он сидел у окна в своей квартире, смотрел, как дождь размывает город, и пытался собрать разрозненные куски памяти в единую картину. Прошлая неделя, вечер среды. Где он был? Он помнил, как заваривал чай. Помнил, как листал старую газету. Помнил, как провалился в сон на диване. А потом — пустота. Тьма, из которой он вышел уже утром, с болью в висках и странным привкусом металла во рту.

Теперь его отпечаток на месте убийства. Невозможно.

Он повторял это слово, как мантру, но оно теряло силу. Невозможно — это слово не для этого города, не для этой истории. Слишком много невозможного уже произошло за последние пятьдесят лет.

На рассвете он встал, налил себе холодной воды из-под крана и позвонил Марку. Тот не ответил — видимо, спал после ночной смены. Лео оставил короткое сообщение: «Мне нужно снова попасть в студию. Сегодня. Скажи дежурному, чтобы пустили».

Ответ пришёл через час. Марк написал: «Ладно. Но без фокусов. Там всё ещё опечатано, но я договарюсь. Будь к десяти».

В десять Лео уже стоял у знакомой двери. Дежурный — молодой, с воспалёнными глазами — молча снял печать и отворил замок. Лео вошёл один.

Квартира встретила его тишиной и запахом застарелой крови, смешанным с сыростью. Он не стал сразу включать свет — прошёл в комнату, где всё ещё стояло кресло с тёмным пятном на обивке. Тело увезли, но обстановка осталась нетронутой. Осколки зеркала лежали горкой у стены, помеченные номерами. Шкатулка стояла на столе, закрытая. Лео подошёл и приподнял крышку.

Мелодия не заиграла. Механизм замер окончательно. Он вынул шкатулку из-под чехла и перевернул её. На дне, выгравированные тонкой вязью, виднелись буквы: *Aconitum*. Лео провёл пальцем по надписи. Значит, шкатулка принадлежала той самой скрипке. Или её владельцу.

Кто-то оставил её здесь намеренно. Как послание. Как метку.

Он аккуратно поставил шкатулку обратно и огляделся. На столе, рядом с нотными листами, лежала коробка из-под конфет, перевязанная чёрной лентой. Вчера её не было — или он не заметил. Лео открыл коробку. Внутри, на бархатной подкладке, лежал высушенный цветок аконита и записка, свёрнутая вчетверо.

Он развернул бумагу. Почерк — ровный, каллиграфический, почти гравюрный. Строки были выведены чёрными чернилами, без единой помарки:

«Ты взял до-диез. Ты слышал, как она вздохнула. Ты промолчал. Теперь она молчит в тебе. Но скоро запоёт. Восьмая уже не споёт. Девятая — споёт. И тогда всё кончится. Или начнётся».

Под текстом стояла нота — до-диез, выведенная на нотном стане, но перечёркнутая крест-накрест. И ниже, мелкими буквами: *«Скоро увидимся, Лео Грей».*

Лео перечитал записку трижды. Пальцы похолодели. Он не знал этого почерка, но в нём было что-то знакомое — ритм, музыкальность, как будто слова складывались в мелодию, которую он слышал раньше. До-диез. Опять эта нота. Та самая, из-за которой погибла Надя.

Он сунул записку в карман, стараясь не повредить бумагу. Потом подошёл к окну. Во дворе, за мокрыми деревьями, мелькнула тень. Лео замер. Кто-то стоял у арки, ведущей в переулок, и смотрел на его окно. Лео не мог разглядеть лица — только фигуру в тёмном плаще и блеск очков. Человек не двигался. Лео прижался к стеклу, пытаясь взглянуть. Прошло несколько секунд. Потом тень отступила в глубину арки и исчезла.

Лео рванул к двери, сбежал по лестнице, выскочил во двор. Никого. Только дождь и мокрые листья. Он обернулся, сканируя пространство. На асфальте, там, где только что стоял

незнакомец, лежал цветок аконита — свежий, с каплями воды на лепестках. Лео наклонился, поднял его. Стебель был срезан ножом, косо, с явной ненавистью.

Он выпрямился и огляделся в последний раз. На стене дома кто-то выцарапал мелом цифру «9». Или это было пятно от дождя? Лео не стал проверять. Он знал, что это не случайность.

Вечером он сидел в маленьком кафе напротив филармонии, заказал кофе и смотрел на вход. Он вспомнил вчерашнего официанта на панихиде по Малевичу — высокого, с бледным лицом и длинными, необычайно гибкими пальцами. Тот подал бокал с вином, и Лео тогда ещё машинально отметил: у этого человека руки скрипача, а не официанта. Слишком длинные, слишком точные, с идеальными подушечками пальцев, как будто созданные для струн.

И ещё — он смотрел на Лео. Не вскользя, не вежливо, а прямо, с выражением, которое Лео не мог забыть. Холодным, оценивающим, как хирург перед операцией.

Тогда Лео не придавал этому значения. Теперь — придавал.

Он допил кофе и вошёл в филармонию через служебный вход. Запах старого бархата и канифоли ударил в ноздри, и на миг его накрыло воспоминание: сцена, девять скрипачей, тёмный зал, лицо Нади, искажённое ужасом. Он тряхнул головой, отгоняя видение.

В служебном коридоре было пусто. Лео двинулся к буфету, где, по его расчётам, мог работать тот официант. За дверью слышался звон посуды. Он заглянул.

За стойкой, спиной к нему, стоял человек в белой рубашке и чёрном фартуке. Он нарезал лимоны, и нож в его руке двигался с пугающей точностью — каждый ломтик ложился ровно, миллиметр к миллиметру. Лео кашлянул. Официант обернулся.

Это был он.

Тот самый, с панихиды. Бледное лицо, тёмные глаза, волосы зачёсаны назад. Руки — да, теперь Лео видел их ясно: длинные пальцы, сухие, с выступающими суставами, ногти коротко острижены, но ухожены. На указательном пальце правой руки — тонкий шрам, похожий на след от струны. Такие руки не подают тарелки. Такие руки играют.

— Добрый вечер, — произнёс официант. Голос его был тихим, ровным, как нота, взятая пиццикато. — Вы что-то хотели?

— Кофе, — сказал Лео, не сводя с него взгляда. — Чёрный, без сахара.

Официант кивнул и повернулся к кофемашине. Двигался он плавно, бесшумно, как будто скользил над полом. Лео заметил, что на его запястье, чуть выше манжеты, выглядывает край татуировки — что-то тёмное, похожее на стебель с цветком. Аконит.

— Вы работали вчера на поминках Малевича? — спросил Лео.

Официант не поднял головы.

— Да. Обслуживал гостей.

— Вы знали его?

Пауза. Затем:

— Нет. Я знал его дочь. Немного.

— Веру?

Официант налил кофе в чашку, поставил на стойку. Только теперь он поднял глаза, и Лео увидел в них отражение собственного лица, искажённое, как в кривом зеркале.

— Да, Веру. Она хороший человек. Жаль, что её отец оказался... фальшивым.

Он выделил последнее слово, и Лео почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Что вы имеете в виду?

Официант улыбнулся. Улыбка вышла странной — одними губами, без участия глаз.

— Только то, что сказал. Музыка не прощает фальши. А люди — тем более.

Он вытер руки полотенцем и бросил его на стойку. Потом наклонился вперёд, опершись ладонями о мрамор, и добавил почти шёпотом:

— Вы ведь тоже это знаете, Лео Грей. Вы же были там. В семьдесят пятом.

Воздух в комнате сгустился. Лео не мог пошевелиться. Слова официанта ударили, как пощёчина. Откуда он знает? Откуда?

— Кто вы? — выдавил Лео.

Официант выпрямился, взял чашку с кофе и подвинул её к краю стойки.

— Меня зовут Эдгар Тейт, — сказал он. — Я здесь работаю. А раньше — учился у маэстро Кроу. Правда, недолго. Меня отчислили за излишнюю... одержимость.

Он снова улыбнулся, на этот раз шире, и Лео увидел, что зубы у него слишком ровные, слишком белые, как клавиши рояля.

— Приятного кофе, — произнёс Эдгар и, повернувшись, вышел через боковую дверь.

Лео остался один. Кофе остывал, но он не притронулся. В голове звенело: *Эдгар Тейт. Ученик Кроу. Знает о семьдесят пятом. Татуировка аконита. Пальцы скрипача.*

Он достал телефон и набрал Марка.

— Марк, мне нужна информация. Эдгар Тейт. Официант в филармонии. Проверь всё: биографию, учёбу, связи. И... ещё одно. В студии Малевича я нашёл записку. Почерк — каллиграфический. Похоже на руку музыканта. Может, этот Тейт.

— С чего ты взял? — спросил Марк.

— У него руки, — ответил Лео. — Я такие видел только у профессионалов. И он знает то, что знают только девять человек.

Марк помолчал.

— Ладно, пробую. А ты будь осторожен. Если этот парень как-то связан с убийством, не лезь к нему один.

— Поздно, — усмехнулся Лео. — Уже познакомились.

Он отключился и выглянул в окно кафе. На другой стороне улицы, у входа в филармонию, стоял Эдгар Тейт. Он смотрел прямо на Лео сквозь стекло, и на его лице всё ещё была та странная улыбка. Потом он поднял руку и медленно, очень медленно, провёл указательным пальцем поперёк горла.

Лео не отвёл взгляда. Он сжал в кармане высушенный аконит, который подобрал у арки, и почувствовал, как ядовитый сок впитывается в кожу. Или это просто дождь.

Эдгар развернулся и растворился в темноте переулка. А Лео остался стоять, чувствуя, как внутри нарастает низкий гул — тот самый, из 1975 года. Гул, который издавала скрипка «Aconitum» перед смертью Нади.

Он понял: игра началась. И на этот раз он не имеет права сфальшивить.

Но где-то в глубине сознания тихий голос прошептал: *«А что, если ты уже сфальшивил? Пятьдесят лет назад. И теперь скрипка просто ждёт, когда ты заплатишь долг».*

Ветер бросил в окно горсть дождевых капель. Они разбились о стекло, как осколки зеркала.

Ночь молчала.

Но музыка не спала.

Глава 4. Отпечаток

Ночь Лео провёл без сна. Он сидел в кресле, не раздеваясь, и смотрел на дверь, словно ждал, что она вот-вот откроется. В руке он сжимал высушенный аконит, тот самый, что подобрал у арки. Лепестки крошились, оставляя на ладони синевато-фиолетовую пыль. Он не смыл её. Она казалась единственным доказательством того, что вчерашняя встреча не была галлюцинацией.

Телефон зазвонил в семь утра. Лео снял трубку после первого гудка.

— Говори, — сказал он вместо приветствия.

— Ты не спал, — констатировал Марк. — Я тоже. У меня результаты.

Лео выпрямился. Сердце застучало глухо, как барабан перед казнью.

— Давай.

— Отпечаток твой, Лео. Сто процентов совпадение. Никаких сомнений.

— Я знаю, — выдохнул Лео. — Но я не был там.

— Подожди, — Марк помолчал. — Есть кое-что ещё. На отпечатке, поверх папиллярных линий, эксперты нашли микрочастицы чёрного лака. Того самого, что используют для реставрации старых скрипок. Но это не всё. Частицы попали на стекло *после* того, как ты оставил отпечаток. Понимаешь? Кто-то прижал твой палец к осколку, когда на руке уже был этот лак. Или осколок лежал в месте, где лаком покрывали что-то.

Лео закрыл глаза. Перед внутренним взором всплыл образ: чёрное дерево, инкрустация аконитом, тёмный лак, блестящий под светом ламп. «Aconitum». Та самая скрипка.

— Лак с «Aconitum», — прошептал он.

— Что?

— Ничего. Продолжай.

— Далее. Я пробил твоё алиби. В среду вечером, когда, предположительно, Малевич был убит, ты, по твоим словам, был дома. Я проверил камеры на твоём подъезде. Они не работали уже неделю. Но нашёлся сосед, старик с пятого этажа. Он выгуливал собаку около одиннадцати вечера и видел, как из подъезда вышел мужчина твоего роста, в тёмном пальто. Лицо он не разглядел, но походка... походка, говорит, была твоя. Он окликнул, но ты не обернулся.

Внутри у Лео похолодело. Он не помнил. Он помнил только сон на диване и утреннюю головную боль.

— Это мог быть, кто угодно, — произнёс он, но голос прозвучал неубедительно.

— Мог, — согласился Марк. — Но есть ещё кое-что. Твой мобильный телефон в ту ночь был выключен. А в журнале вызовов, когда он включился утром, был пропущенный звонок от... угадай, от кого.

— От Малевича, — тихо сказал Лео.

— Нет. От Эдгара Тейта.

Лео вскочил с кресла. Аконит выпал из руки и рассыпался по полу. Эдгар Тейт. Официант с пальцами скрипача. Он звонил ему в ту самую ночь.

— Зачем? — выдохнул Лео.

— Я не знаю. Но вот что я ещё раскопал. Эдгар Тейт действительно учился у Кроу. В 1974–1975 годах. Был невероятно одарённым, прочили будущее великого солиста. Но в апреле 1975-го его отчислили. Официально — за срыв конкурса, неофициально — за то, что он влез в какую-то тайную запись, на которую его не звали. Лео, он был там. В ночь, когда записывали Чакону. Он сидел в зале, спрятавшись на балконе. Он слышал всё.

Лео опустил обратно в кресло. Руки дрожали. Эдгар был свидетелем. Он знал о фальши Нади. Знал о проклятии. Знал о клятве молчания. И теперь он звонил Лео в ночь убийства Малевича.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил Марк.

— Он хочет, чтобы я думал, что схожу с ума, — медленно произнёс Лео. — Он оставил мой отпечаток, подбросил лак, позвонил. Он манипулирует мной. Но зачем?

— Может, он хочет подставить тебя?

— Нет. Если бы хотел, отпечаток уже был бы в полиции. Он оставил его так, чтобы нашёл я. Он играет со мной.

— Лео, — Марк понизил голос. — Будь осторожен. Этот парень опасен. Я запросил его досье. Он несколько лет назад проходил свидетелем по делу об исчезновении скрипача из оркестра. Дело закрыли, но в показаниях он упоминал какую-то «идеальную ноту». И ещё. У него нашли тетрадь с записями. Всю «Чакону» переписал от руки. Сказал, что это для тренировки памяти.

— Я видел эту тетрадь, — перебил Лео. — Я был у него дома. Вчера, после филармонии. Я не сдержался и залез в его квартиру. Она была открыта.

— Что ты там нашёл?

Лео помолчал, вспоминая. Маленькая квартира на Садовой, пахнувшая пылью и канифолью. Стены увешаны афишами старых концертов. На столе — та самая тетрадь, исписанная ровным каллиграфическим почерком. Каждая страница — один такт Чаконы, и в каждом такте до-диез зачёркнута так яростно, что бумага местами прорвана. А рядом, на полке, стояла фотография в рамке: девять скрипачей 1975 года. Среди них — Надя, юная, с испуганными глазами. И в углу снимка, едва различимый, — силуэт Эдгара на балконе.

— Я нашёл подтверждение, что он там был, — сказал Лео. — И ещё я нашёл аконит. Целый пучок в вазе на подоконнике. Свежий.

— Чёрт, — выругался Марк. — Тогда он точно замешан. Но алиби? Он был на смене в филармонии в ночь убийства Малевича. Я проверял. Двое коллег подтверждают.

— А в ночь убийства Ирины Блэк? — спросил Лео. — Она мертва уже двадцать восемь дней. Или ты не в курсе?

— Ирина Блэк мертва? — голос Марка дрогнул. — Ты уверен? По сводкам, она пропала. Я не связывал.

— Она на сцене Большого зала, — холодно произнёс Лео. — Смычок в сердце. Пальцы сломаны посмертно. Аконит в руке. Конверт с посланием. Я был там. Полиция не хочет это связывать, но я видел. Это второе убийство.

Марк замолчал. Лео слышал, как он дышит — тяжело, сбивчиво.

— Ты должен был сказать мне, — наконец выдал Марк.

— Я говорю сейчас. И есть третья жертва. Дмитрий Орлов. Он мёртв, Марк. Я узнал это сегодня утром из новостей. Сердце пробито смычком, сейф открыт, пропала скрипка. Все трое — из той записи. Все трое фальшивили в до-диез. И следующая жертва, по моим подсчётам, — Вера Лебедева. Или я.

В трубке повисла пауза. Лео представил, как Марк трёт переносицу — его привычный жест, когда он пытается уложить в голове нечто невозможное.

— Что ты предлагаешь? — спросил Марк.

— Пока не знаю. Но я еду к Кроу. Он знает больше, чем говорит. Возможно, он единственный, кто может объяснить, что происходит с моей памятью.

— Я с тобой.

— Нет. Оставайся на связи. Если я не выйду на тебя через два часа, вызывай подкрепление.

Лео отключился, бросил телефон в карман и направился к двери. В зеркале в прихожей он мельком увидел своё лицо: осунувшееся, с тёмными кругами под глазами, с седыми волосами, прилипшими ко лбу. Он выглядел как человек, который давно не принадлежит себе.

Перед выходом он задержался. Что-то было не так. Он оглянулся. На тумбе у двери лежал листок бумаги, которого не было раньше. Лео поднял его. На белом фоне — одна строка, выведенная чёрными чернилами:

«Ты уже приходил сюда, Лео. В ту ночь. Ты стоял над Малевичем и смотрел, как он умирает. И тебе нравилось».

Бумага дрожала в его руке. Ни подписи. Ни следа. Ни шума. Как она здесь оказалась?

Лео выглянул в глазок. Лестничная площадка была пуста. Он рванул дверь и выскочил на лестницу. Тишина. Только капли дождя стучали по крыше.

Он бросил взгляд вниз, в пролёт. Между перилами, на полу первого этажа, лежал свежий цветок аконита. Лео сбежал вниз. Цветок был мокрым, будто только что сорван. Рядом, на стене, кто-то выцарапал ножом: «До-диез».

Лео вытер лицо ладонью. Пальцы пахли чернилами и ещё чем-то — сладковатым, ядовитым. Он посмотрел на руку. Под ногтями — тёмно-синяя пыльца.

Та самая, что осталась от аконита.

Но он не прикасался к цветку после того, как рассыпал его дома. Или... прикасался?

Сознание поплыло. Перед глазами вспыхнули обрывки: тёмная комната, блеск зеркала, чьи-то пальцы на его запястье, низкий голос, напевающий Чакону. И его собственные руки, сжимающие смычок.

Он отшатнулся, ударился спиной о стену. Сердце колотилось, как безумное.

Он достал телефон и набрал Марка.

— Марк, — прохрипел он. — Я, кажется, вспомнил. Я был там. Я был в студии. Я держал смычок.

— Что?!

— Не знаю. Но это правда. Я убил его. Или... почти убил. Я помню кровь. И чей-то смех. Эдгар. Он был рядом. Он смотрел.

В трубке что-то треснуло. Потом голос Марка, испуганный, торопливый:

— Лео, не двигайся. Я выезжаю. Не вздумай ничего делать. Понял? Мы разберёмся.

Но Лео уже не слушал. Он смотрел на свои руки, покрытые синей пылью, и видел в них руки убийцы.

Сверху, с лестничной клетки, донёсся звук — тихий, мелодичный, как будто кто-то провёл смычком по открытой струне.

До-диез.

Лео поднял голову. На площадке второго этажа, облокотившись на перила, стоял Эдгар Тейт. В руке он держал маленькую скрипку, детскую, но звук исходил именно от неё.

— Ты вспомнил, — произнёс Эдгар спокойно. — Это хорошо. Значит, ты готов.

— К чему? — выдавил Лео.

— К девятому, — ответил Эдгар и улыбнулся своей страшной улыбкой. — Твоя дочь фальшивила. Ты научил её. Теперь ты сам станешь последней нотой. И тогда музыка закончится. Навсегда.

Он поднял смычок и медленно, очень медленно, провёл по струне. Звук разнёсся по подъезду, вибрируя в стенах, в полу, в груди Лео.

И в этом звуке Лео услышал голос Нади.

Она звала его.

Глава 5. Похороны

День похорон выдался серым, промозглым, с низким небом, которое давило на плечи, как мокрая шинель. Лео стоял у входа на Смоленское кладбище, засунув руки в карманы старого чёрного пальто, и смотрел, как к церкви подъезжают машины, как из них выходят люди в тёмном, как они жмутся под зонтами, стараясь не смотреть друг на друга. Дождь моросил с самого утра — мелкий, настойчивый, пропитывающий всё вокруг запахом сырой земли и увядших цветов. Лео не взял зонт. Ему было всё равно.

Он не хотел приходить. Ещё вчера вечером, после допроса у следователя, он думал, что останется дома, запрет дверь и просидит весь день, глядя в потолок. Но утром проснулся с мыслью, что должен быть здесь. Не из уважения к покойному — к Малевичу он не испытывал ни уважения, ни скорби. А потому что чувствовал: именно здесь, среди этих людей, он сможет увидеть то, что упустил на месте преступления. Смерть собирает вокруг себя живых, и в их лицах, жестах, словах порой открывается больше, чем в любых уликах.

Он приехал за полчаса до начала, встал в стороне от входа, у старой кирпичной стены, и наблюдал. Люди всё прибывали. В основном пожилые, респектабельные — бывшие коллеги, музыканты, преподаватели консерватории. Они тихо переговаривались, качали головами, вздыхали. Некоторые плакали, но сдержанно, как принято на похоронах людей, которых не любили, но уважали. Лео всматривался в их лица, пытаясь найти среди них тех, кто мог бы стоять за убийством. Но видел лишь обычную, знакомую ему породу людей — тех, кто всю жизнь провёл в мире музыки и так и не научился жить вне её.

Первой, кого он узнал издали, была Ирина Блэк. Она вышла из тёмной «Волги», поправила чёрную шляпку с вуалью и медленно двинулась к церкви, опираясь на руку немолодого спутника. Её лицо было бледным, почти восковым, а губы крепко сжаты. Лео знал Ирину много лет — когда-то они вместе играли в оркестре, до того как она ушла преподавать. Она всегда была холодной, надменной, но теперь в её походке появилось что-то иное — не скорбь, а страх. Лео заметил, как она оглядывается по сторонам, как будто боится, что кто-то следит за ней. И это был первый звоночек.

Потом он увидел Дмитрия Орлова. Коллекционер антикварных скрипок, щёголь, вечно окружённый свитой льстецов, сегодня выглядел потерянным. Он шёл один, без зонта, и седые волосы его потемнели от дождя. Его глаза блуждали по толпе, и в них не было ни горя, ни тревоги — только какая-то лихорадочная сосредоточенность, будто он высчитывал что-то в уме. Лео вспомнил, что Орлов был одним из тех, кто подписал клятву молчания после смерти Нади. И теперь, глядя на него, он понял: этот человек тоже ждал. Ждал, когда придёт его очередь.

Третьим был маэстро Кроу. Он появился не из машины, а как будто из ниоткуда — просто возник у ворот, опираясь на трость, и замер, подняв лицо к дождю. На нём была старая фетровая шляпа, надвинутая на лоб, и тёмные очки, скрывавшие слепые глаза. Люди расступались перед ним, как перед призраком. Некоторые кланялись, но он не отвечал. Он стоял, и казалось, что дождь обходит его стороной. Лео почувствовал, как внутри что-то сжалось. Кроу знал больше всех. И он пришёл. Значит, это важно.

Вера Лебедева появилась позже всех. Она вышла из такси, одетая в чёрное пальто, слишком лёгкое для такой погоды, и её лицо было бледным, как у человека, который не спал несколько ночей. Она не пошла к церкви сразу — остановилась у входа, огляделась, и Лео заметил, как её взгляд на мгновение задержался на нём. В её глазах не было удивления. Только усталость. И что-то ещё — то ли упрек, то ли мольба. Лео отвёл взгляд.

Церковь была старой, с облупившимися фресками и запахом ладана, который смешивался с сыростью. Гроб стоял в центре, закрытый, как это часто бывает после насильственной

смерти. Вокруг него горели свечи, и их дрожащий свет отражался в тёмном дереве, заставляя его казаться живым. Лео вошёл последним, встал у дальней стены, откуда было видно всех. Он не молился. Он наблюдал.

Служба шла недолго. Священник читал глухо, монотонно, и слова его тонули в шорохе дождя за стенами. Лео слушал не слова, а звуки: как скрипит старый пол под ногами прихожан, как вздыхает Ирина, как Орлов нервно перебирает чётки, которые держит в руках. Каждый звук был нотой, и вместе они складывались в странную, тревожную симфонию. Лео чувствовал себя дирижёром, который слышит фальшь в оркестре, но не может понять, откуда она исходит.

Во время прощания он подошёл к гробу. Лицо Малевича было скрыто белой тканью — по традиции, после того как тело пострадало при вскрытии. Лео не стал смотреть. Он лишь коснулся рукой края гроба, холодного и гладкого, и прошептал одно слово: «Прости». Он сам не знал, за что просит прощения. Может быть, за то, что не спас его дочь. Может быть, за то, что не остановил всё это пятьдесят лет назад. А может быть, за то, что в глубине души испытывал к этому человеку не ненависть, а жалость.

Когда он отошёл, к нему подошла Вера. Она встала рядом, не глядя на него, и произнесла тихо, одними губами:

— Вы тоже чувствуете, что он здесь?

Лео не сразу понял, о ком она. Потом проследил её взгляд и увидел Эдгара Тейта. Официант из филармонии стоял у входа в церковь, в тёмном костюме, который сидел на нём как чужой. Он не входил внутрь — просто стоял на пороге, скрестив руки, и смотрел. Его лицо было спокойным, почти безмятежным, но в этом спокойствии было что-то пугающее. Лео заметил, что пальцы его правой руки слегка подрагивают, будто он в уме играет какую-то мелодию.

— Что он здесь делает? — прошептал Лео.

— Он знал отца, — ответила Вера, и в её голосе прозвучала горечь. — И он пришёл посмотреть, как его закапывают.

Лео хотел подойти к Эдгару, но что-то его остановило. Возможно, присутствие Кроу, который стоял у самого амвона и, казалось, смотрел на Эдгара сквозь свои тёмные очки. Или, может быть, собственное чутьё подсказывало, что сейчас не время для конфронтации. Похороны — не место для допросов. Но он запомнил этот взгляд Эдгара — взгляд человека, который знает больше, чем говорит.

После отпевания процессия двинулась к могиле. Дождь усилился, и земля под ногами превратилась в жидкую грязь. Люди шли медленно, скользя по размокшей траве, и их чёрные фигуры на фоне серого неба выглядели как тени, сошедшие в подземный мир. Лео держался позади, рядом с Марком, который появился в середине церемонии, тихо, как всегда. Они не разговаривали — просто шли рядом, и это молчание было красноречивее любых слов.

Могила была вырыта у старой каменной ограды, под раскидистым клёном, с которого капала вода. Гроб опустили в яму, и священник бросил первую горсть земли. Комья ударились о крышку с глухим стуком, и этот звук эхом разнёсся по кладбищу. Вера стояла у изголовья, сжимая в руке одинокий белый цветок — не аконит, а простую хризантему. Она не плакала, но её лицо было таким бледным, что казалось прозрачным. Лео подошёл к ней и встал рядом, не говоря ни слова.

— Вы верите в проклятия? — спросила она тихо, когда гроб уже был засыпан.

— Раньше нет, — ответил Лео. — Теперь не знаю.

— Отец верил. Он боялся этого дня всю жизнь. И вот он наступил.

Она опустила цветок на могилу и медленно повернулась к Лео.

— Я знаю, кто вы, — сказала она. — Я знаю, что вы были там, в семьдесят пятом. И я знаю, что вы ищете убийцу.

— Откуда? — спросил Лео, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Мне сказал один человек. Сказал, что вы придёте, на похороны и что вы будете, задавать вопросы. И что вам не стоит доверять.

— Кто?

Вера помолчала, глядя на мокрую землю.

— Эдгар Тейт.

Лео почувствовал, как холод проникает под пальто. Он оглянулся, но Эдгара уже не было видно. Только Кроу стоял у ворот кладбища, как тёмный страж, и его трость медленно постукивала по асфальту.

— Что ещё он сказал? — спросил Лео, поворачиваясь к Вере.

— Сказал, что убийца — не человек. Что это музыка. И что вы поймёте, когда наступит сорок седьмой такт.

Вера отвела взгляд, и по её щеке скатилась слеза, смешанная с дождём. Лео не знал, верить ей или нет. Но одно он понимал точно: эта девушка — не просто дочь жертвы. Она — часть игры, в которой ему отведена роль.

Поминальный обед проходил в банкетном зале бывшего Дома культуры, неподалёку от кладбища. Люди сидели за длинными столами, ели молча, чокались не глядя. Лео сел в углу, у окна, и ковырял вилкой в тарелке, не чувствуя вкуса. Марк сел напротив, поставил перед ним стакан с водкой.

— Выпей, — сказал он. — Полегчает.

— Не хочу.

— Надо.

Лео взял стакан, но пить не стал. Он смотрел на людей, и его мозг, привыкший за годы работы к анализу, отмечал детали. Кто как сидит, кто с кем говорит, кто на кого смотрит. Ирина Блэк сидела у окна, в окружении двух преподавательниц, и её лицо было неподвижным, как маска. Орлов стоял у стола с закусками, наливал себе коньяк, и его рука дрожала. Вера сидела в центре, между какими-то дальними родственниками, и смотрела в одну точку. Эдгара не было. Кроу тоже.

Через полчаса к Лео подошёл один из гостей — высокий, сутулый старик с жёлтым лицом и слезящимися глазами. Он был похож на бывшего музыканта: длинные пальцы, сгорбленная спина. Лео узнал его — это был Владимир Семёнович, вторая скрипка из того самого оркестра, где когда-то играли они с Малевичем.

— Грей, — произнёс старик, присаживаясь рядом. — Давно не виделись. Жаль, что по такому поводу.

— Жаль, — согласился Лео.

Владимир Семёнович помолчал, потом наклонился ближе и заговорил вполголоса:

— Ты ведь знаешь, что это не самоубийство. И я знаю. И она знает. — Он кивнул в сторону Ирины. — И Орлов. Все знают. Но молчат. Как тогда.

— Тогда вы тоже молчали, — сказал Лео жёстко.

Старик усмехнулся, показав жёлтые зубы.

— А что нам оставалось? Мы испугались. Думали, что скрипка заберёт нас всех, если расскажем. А она всё равно забирает. Только медленнее. По одному.

Он замолчал, глядя в свой стакан.

— Малевич был первым, — продолжил он. — Кто следующий? Ты? Я? Или, может, Кроу? Он-то знает всё, но молчит, как могила. Хотя какая ему могила — он и так уже мертвец.

Лео почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

— Почему вы не пошли в полицию? — спросил он. — Почему не рассказали правду?

— Какую правду? — старик усмехнулся. — Что нас преследует призрак скрипки? Что мы прокляты за то, что сфальшивили пятьдесят лет назад? Нас бы в сумасшедший дом отправили. А так — хотя бы умираем с достоинством.

Он поднялся, опираясь на спинку стула.

— Береги себя, Грей. И держись подальше от Эдгара Тейта. Он из тех, кто слышит музыку даже в гробу.

И ушёл, оставив после себя запах старого табака и страха.

Лео долго сидел, глядя на дождь за окном. Потом встал, нашёл Марка и сказал:

— Мне нужно поговорить с Ириной Блэк. Прямо сейчас.

Марк кивнул, и они направились к ней через зал. Но когда подошли, её стул был уже пуст. Ирина исчезла, оставив на столе недопитый бокал вина и скомканную салфетку, на которой, как показалось Лео, было что-то написано. Он развернул её и увидел несколько торопливых слов:

«Не ищите меня. И не верьте никому».

Лео смял салфетку и сунул в карман. Он понял, что похороны Малевича — не конец. Это только начало.

Когда они вышли на улицу, дождь уже стихал, но небо оставалось свинцовым. У ворот кладбища, под старым фонарём, стоял Эдгар Тейт. Он смотрел на Лео и улыбался.

— Хорошая церемония, — произнёс он, когда Лео поравнялся с ним. — Но музыка была бы лучше.

Лео остановился, сжав кулаки.

— Чего ты хочешь?

— Того же, чего и ты, — ответил Эдгар, не переставая улыбаться. — Чтобы все ноты звучали правильно. Но для этого нужно, чтобы кто-то сфальшивил. И ты уже знаешь, кто.

Он развернулся и пошёл прочь, насвистывая мелодию, которую Лео не сразу узнал.

Это была Чакона.

До-диез.

И она звучала фальшиво.

Глава 6. Ирина Блэк

Двадцать восемь дней — это не просто срок. Это ритм, который Лео ощущал всем телом, как музыкант ощущает паузу между двумя нотами, зная, что следующая обязательно прозвучит. После похорон Малевича он прожил эти недели в странном, лихорадочном ожидании, похожем на состояние перед грозой, когда воздух густеет, и каждый звук кажется оглушительным. Он продолжал вести дела, встречаться с Марком, изредка перезваниваться с Верой, но всё это было лишь фоном для главного — невидимого метронома, отсчитывающего дни до следующего удара.

И удар наступил.

Звонок раздался в шесть утра, когда Лео, так и не сомкнувший глаз, сидел на кухне над остывшим чаем. Номер был Марка. Он снял трубку, уже зная, что услышит.

— Большой зал, — произнёс Марк без предисловий, и голос его был сухим, как осенняя листва. — Ирина Блэк. Та же картина. Смычок в сердце. Приезжай.

Лео закрыл глаза. Перед внутренним взором вспыхнуло лицо Ирины на похоронах — бледное, испуганное. Тогда она уже знала. Или чувствовала. Теперь её нет.

— Еду, — ответил он и положил трубку.

Город ещё только просыпался, но дождь, казалось, не прекращался никогда. Он то затишал, то припускал с новой силой, и улицы блестели, как тёмные зеркала, в которых отражались серые фасады и редкие прохожие с зонтами. Лео поймал такси, назвал адрес, откинулся на сиденье. В голове стучала одна мысль: «Второй. Теперь второй». Он знал, что за первым последует второй, за вторым — третий, и так до девятого, если не остановить. Но как остановить то, что не имеет ни лица, ни голоса, а лишь звук?

Большой зал консерватории встретил его милицейской суетой. У входа толпились люди в форме, мигалка патрульной машины окрашивала мокрый асфальт в тревожный синий цвет.

Лео вышел из такси, показал удостоверение, которым его снабдил Марк ещё до всей этой истории, и его пропустили за оцепление. Внутри, в вестибюле, пахло сыростью и старой бархатной обивкой. Служебная дверь на сцену была распахнута, и оттуда лился холодный, мёртвый свет.

Марк ждал его у входа в зал. Вид у него был измученный: небритый, с красными глазами, в помятой рубашке. Он кивнул Лео и молча повёл его на сцену. Они прошли через кулисы, поднялись по деревянным ступеням и вышли на подмостки, где уже работали криминалисты.

Ирина лежала на спине, раскинув руки, на том самом месте, где обычно стоит солист. Её лицо, обращённое к потолку, было спокойным, почти умиротворённым, если бы не иссиня-бледный оттенок кожи и полуоткрытые губы, застывшие в немом крике. Скрипка — её собственная, светлая, с рыжеватым лаком — была разбита вдребезги и разбросана вокруг тела, как осколки сна. Пальцы левой руки, согнутые неестественно, были сломаны — Лео сразу это увидел. Но сломаны не до смерти, а после. Он присел на корточки, не решаясь прикоснуться.

— Посмертные переломы, — произнёс он тихо, не оборачиваясь. — Кто-то ломал ей пальцы, когда она уже не чувствовала боли.

Марк, стоявший за его спиной, хмыкнул.

— Эксперт то же говорит. Но зачем?

— Чтобы мы подумали о пытке. Чтобы направить следствие по ложному пути. Или... — Лео поднял глаза на сломанные пальцы, — чтобы она не могла держать что-то, что держала.

Он огляделся. На сцене, в двух шагах от тела, валялся смычок — не её, а чужой, тёмный, с потёртой колодкой. Именно он был орудием убийства: вошёл в грудь чуть левее сердца, пробив одежду и рёбра. Лео не стал рассматривать рану. Он знал, что увидит: аккуратный, почти хирургический удар, как и в случае с Малевичем. В левой руке Ирины был зажат аконит — свежий, с ярко-синими лепестками, на которых ещё блестели капли то ли дождя, то ли слёз.

— Записка, — сказал Марк, протягивая прозрачный пакет.

Лео взял его. Внутри лежал сложенный лист бумаги, старинный, с водяными знаками. Он развернул, стараясь не повредить. Почерк — каллиграфический, ровный, как нотный стан.

«Ты взяла до-диез. Это была ошибка».

Лео перечитал дважды. Слова жгли, как кислота. Он сразу вспомнил 1975 год: Ирина стояла в кругу девятиерых и играла вторую партию. Она тоже сфальшивила — на долю тона, но тогда никто не заметил, потому что все были оглушены фальшью Нади. Теперь выясняется, что заметили все. Или, по крайней мере, тот, кто убивает.

— Где нашли? — спросил Лео, возвращая пакет.

— В гримёрке, на столе. Дверь была открыта. Там же — её сумочка, ключи, телефон. Всё нетронуто. Но записка — явно подброшена.

— Или оставлена как послание.

Марк помолчал, глядя на тело.

— У неё под ногтями нашли микрочастицы чёрного лака. Такого, каким покрывают старые скрипки. Эксперт говорит, что это не с её инструмента.

Лео почувствовал, как внутри всё холодеет.

— Это лак с *Aconitum*, — произнёс он одними губами.

Марк не ответил, но по его лицу было видно, что он думает о том же.

Они спустились со сцены в зал. Полицейские всё ещё сустились, щёлкали фотоаппараты, слышались приглушённые голоса. Лео сел в первый ряд партера, обхватив голову руками. В ушах звенел тот самый низкий гул, который он слышал пятьдесят лет назад. Теперь он знал: это не галлюцинация. Это скрипка. Она зовёт.

— Лео, — Марк присел рядом, — есть кое-что ещё. Ирина звонила мне вчера вечером. Хотела встретиться. Сказала, что ей страшно, что она боится выходить из дома. Я предложил приехать к ней, но она отказалась. Сказала, что перезвонит. Не перезвонила.

— Почему ты не сказал мне раньше?

— Я думал, это просто паранойя. После похорон все мы немного не в себе. Но теперь...

Он не договорил. Лео и сам понимал: они упустили время. Ирина была жива ещё вчера, а сегодня её уже нет. И кто-то разбил её пальцы, чтобы она не рассказала то, что знала.

Внезапно Лео заметил движение в дальнем конце зала. У двери, ведущей в фойе, стоял человек в тёмной одежде и смотрел на сцену. Лео присмотрелся и узнал Эдгара Тейта. Тот был без формы официанта, в простом чёрном свитере, но его бледное лицо и длинные пальцы невозможно было спутать. Он не двигался, просто стоял, засунув руки в карманы, и на его губах играла лёгкая, едва уловимая улыбка.

Лео поднялся, сжимая кулаки. Марк, проследив за его взглядом, тоже встал.

— Это он? — тихо спросил Марк.

— Да. Я хочу с ним поговорить.

Они двинулись к выходу, но Эдгар, заметив их, развернулся и вышел из зала. Лео ускорил шаг, выскочил в фойе, потом на улицу. Дождь хлестал по лицу, но Эдгара нигде не было. Только мокрый асфальт и пустые тротуары.

— Чёрт! — выругался Лео, ударяя кулаком по стене. Боль отозвалась в раненой руке, но он не обратил внимания.

Марк догнал его, тяжело дыша.

— Не надо, Лео. Мы всё равно не докажем. У него наверняка алиби.

— Алиби? — Лео горько усмехнулся. — У таких, как он, всегда есть алиби. Потому что он не марает руки. Он играет нами, как на скрипке.

Он отвернулся и посмотрел на здание консерватории, возвышавшееся над ними, как мрачный памятник. Где-то внутри, на сцене, всё ещё лежала Ирина, и её сломанные пальцы указывали в потолок, как немой укор.

— Она что-то знала, — произнёс Лео. — Что-то, что могло вывести нас на убийцу. Поэтому её пальцы и сломали. Не для пытки. Для того, чтобы стереть улики. Она держала что-то в руке, Марк. И это «что-то» забрали.

Они вернулись в зал. Криминалисты уже заканчивали, тело готовили к отправке в морг. Лео снова поднялся на сцену, обошёл её по периметру. Взгляд его упал на щель между половицами — там, у самой кулисы, что-то блестело. Он наклонился, осторожно, двумя пальцами, вытащил предмет. Это была маленькая серебристая пуговица с гравировкой — нота до-диез.

— Смотри, — позвал он Марка. — Это с её платья?

Марк подошёл, посмотрел.

— Не похоже. У неё блузка с мелкими пуговицами, но они перламутровые. А это — металлическая, старинная. Может, с чужой одежды.

Лео сжал пуговицу в ладони. Она была холодной, но не мёртвой — в ней чувствовалась какая-то скрытая вибрация, как будто она хранила тепло чужой руки. Он спрятал её в карман.

— Это улика, — сказал он. — И она приведёт нас к убийце.

Но Марк смотрел на него с сомнением.

— Если только убийца не вернётся за ней.

Лео не ответил. Он уже знал, что так и будет. Убийца всегда возвращается на место преступления — не потому что глуп, а потому что музыка требует повторения. Рефрен, который нельзя оборвать.

Прошла неделя. Ирина Блэк была похоронена рядом с Малевичем, на том же кладбище, под старым клёном. Лео не пошёл на её похороны. Вместо этого он сидел в квартире Нади, разложив на столе все собранные улики: фотографии, записку, салфетку от Ирины с предупреждением, пуговицу с нотой. Он смотрел на них и пытался сложить из них мелодию — но выходил лишь диссонанс.

Вера навещала его. Она уже не казалась испуганной, скорее — замкнутой, ушедшей в себя. Она сидела напротив, пила чай и молчала, а Лео рассказывал ей о том, что удалось выяс-

нить. О чёрном лаке. О сломанных посмертно пальцах. О пуговице. Вера слушала, не перебивая, и только однажды спросила:

— Ты думаешь, это Эдгар?

— Не знаю, — честно ответил Лео. — Он слишком умён, чтобы оставлять такие следы.

Но, возможно, он и не один.

— Что ты имеешь в виду?

— Есть кто-то, кто направляет его. Или кого направляет он. Кроу? Саватеев? Или кто-то, о ком мы даже не подозреваем.

Вера поставила чашку на стол и подняла на него глаза.

— Я должна тебе кое-что сказать, Лео. О моём отце. И о той ночи.

Лео насторожился.

— Говори.

Она помолчала, собираясь с силами.

— Отец вёл дневник. Я нашла его после похорон. Он писал о том, что скрипка выбрала всех девятерых, и что каждый должен умереть в свой черёд. Но он также писал, что есть способ остановить это.

— Какой?

— Нужно сыграть до-диез идеально на той самой скрипке, Aconitum. Тогда круг разорвётся, и души освободятся. Но для этого нужен человек, который не фальшивил в ту ночь.

Лео замер.

— Но все фальшивили. Все, кто был в кругу.

— Кроме одного, — Вера посмотрела ему прямо в глаза. — Кроме тебя.

Он не поверил. Он помнил, как стоял в том кругу, как его смычок дрожал, как он боялся, что сам возьмёт неверную ноту. Но Вера была серьёзна.

— Отец писал, что ты единственный, кто сыграл чисто. Надя сфальшивила нарочно, чтобы спасти тебя, потому что Кроу угрожал убить тебя, если она сыграет правильно. Остальные поддались страху. А ты — нет. Поэтому девятый — не ты. Ты — ключ.

Лео долго молчал, переваривая услышанное. Потом встал, подошёл к окну. Дождь снова лил, и город за стеклом расплывался, как акварель.

— Если это правда, — произнёс он, не оборачиваясь, — то я должен найти Aconitum. И сыграть на ней. Но я не могу играть. Моя рука...

— Ты сможешь, — тихо сказала Вера. — Я помогу.

Она подошла к нему, взяла за руку. Её пальцы были тёплыми, живыми.

— Мы найдём скрипку. И остановим это. Вместе.

Лео посмотрел на неё и впервые за долгое время почувствовал, что не один.

Но где-то в глубине дома, в темноте подвала, снова зазвучала фальшивая до-диез. И она была ближе, чем казалось.

Глава 7. Черный лак

Дождь не прекращался уже третьи сутки, и город, утопавший в серой мороси, напоминал Лео старую, плохо проявленную фотографию: все контуры размыты, все звуки приглушены, и только запах сырости оставался неизменно резким, как пощечина. Он стоял у окна своей кухни, смотрел на мокрый асфальт, на людей, спешивших укрыться под козырьками, и думал о том, что время, которое должно было принести ответы, вместо этого приносит лишь новые вопросы. Прошло уже четыре дня после смерти Ирины Блэк, а он всё ещё не мог выбросить из головы её сломанные пальцы, её застывшее лицо, этот чёрный лак, что забился под ногти, словно она из последних сил цеплялась за что-то тёмное, отказываясь отпустить.

В то утро он проснулся с мыслью, что больше не может ждать. Нужно было действовать, и действовать методично, как он привык в прежние годы, когда работал следователем и распутывал дела, в которых, казалось, не было ни одной зацепки. Тогда он верил в улики, в логику, в то, что любая тайна рано или поздно сдаётся под напором фактов. Теперь он не был уверен ни в чём, кроме одного: чёрный лак — это не просто следствие, а ключ. И если он поймёт, откуда он взялся, то, возможно, поймёт и всё остальное.

Он позвонил Марку. Тот ответил не сразу — судя по голосу, он был в участке, где с самого утра шла какая-то суеда, слышались обрывки разговоров, хлопанье дверей. Лео представил, как Марк стоит у окна, прижимая трубку к уху, и трёт переносицу — его вечный жест, когда нужно было собраться с мыслями.

— Мне нужны результаты экспертизы по лаку, — сказал Лео, не тратя время на приветствия.

— Я как раз собирался тебе звонить, — ответил Марк. — Есть кое-что странное. Эксперт говорит, что это не обычный лак. Он содержит редкую смолу, которую не используют уже лет пятьдесят. И ещё какие-то добавки, которые он не смог идентифицировать. Говорит, что похоже на состав, который применяли в одной мастерской в Ленинграде в шестидесятых. Мастерская принадлежала отцу Кроу.

Лео закрыл глаза. Вот оно. Снова Кроу. Всё в этой истории возвращалось к нему, как к заевшей пластинке.

— Он уверен? — спросил Лео.

— На девяносто процентов. Говорит, что в базе есть образцы похожих лаков, но этот — уникальный. Его не покупали, его делали на заказ, и только для определённых инструментов. В основном для той самой Асонитум и, возможно, для её копий.

— Копий? — Лео нахмурился. — Ты сказал «копий»?

— Да. Эксперт предположил, что если существовала одна скрипка с таким покрытием, то могла быть и вторая. Её могли сделать по тем же чертежам, с тем же лаком. Но точных данных нет.

Лео молчал. В его голове уже складывалась картина — смутная, как отражение в мутной воде. Две скрипки. Одна настоящая, одна копия. И кто-то, кто знал о них обеих. Кто-то, кто мог использовать лак, чтобы подбросить улику или, наоборот, стереть её. Ирина держала что-то в руке, а её пальцы сломали посмертно. Возможно, она знала, что лак у неё под ногтями, и цеплялась за эту деталь, как за последнюю надежду.

— Мне нужно попасть в мастерскую Кроу, — сказал Лео. — Прямо сейчас.

— Она заколочена, — напомнил Марк. — Ты сам видел. Я могу попробовать оформить обыск, но это займёт время.

— Нет. Я пойду один. Без ордера.

Марк хотел возразить, но Лео уже отключился. Он знал, что поступает безрассудно, но ждать не мог. Если в мастерской остался хоть какой-то след — банка с лаком, обломок дерева, старые записи, — то он должен найти его раньше, чем это сделает убийца.

Мастерская Кроу на Васильевском встретила его тишиной и запахом запустения. Дверь, которую он помнил обитой жёстью, теперь была заколочена двумя крест-накрест досками, но одна из них уже была сорвана — видимо, кто-то побывал здесь до него. Лео остановился у входа, прислушался. Изнутри не доносилось ни звука, только капли дождя барабанили по жестяному козырьку. Он огляделся по сторонам, убедился, что его никто не видит, и проскользнул внутрь.

Внутри всё было перевёрнуто вверх дном. Стеллажи, когда-то забитые инструментами и банками, теперь зияли пустотой, а на полу валялись обломки старых дек, сломанные грифы, мотки струн. В воздухе стоял запах пыли, канифоли и сырости, и ещё — едва уловимый, сладковатый аромат, который Лео сразу узнал: так пах аконит. Он прошёл вглубь, ступая по осколкам, и остановился у верстака, где когда-то Кроу держал свои инструменты. Ящики были выдвинуты, их содержимое разбросано, но в одном из них он заметил тёмную, почти чёрную бутылочку с плотно притёртой пробкой. Этикетки не было, но на стекле остались следы тёмного, маслянистого вещества.

Лео осторожно вынул бутылочку, поднёс к свету, пробивавшемуся сквозь пыльное окно. Жидкость внутри была густой, почти чёрной, и при движении оставляла на стенках радужные разводы. Он откупорил пробку и вдохнул. Запах был резким, терпким, с нотками старого дерева и ещё чего-то горьковатого, как полынь. Лак. Тот самый? Лео не был уверен, но интуиция подсказывала, что это не просто совпадение.

Он спрятал бутылочку в карман и продолжил осмотр. В глубине мастерской, за перевёрнутым шкафом, он обнаружил небольшую нишу, заваленную тряпьем. Среди тряпья лежала старая фотография, пожелтевшая, с загнутыми углами. Лео поднял её. На снимке был отец Кроу — такой, каким Лео его никогда не видел: высокий, с суровым лицом и длинными пальцами, держащий в руках чёрную скрипку. Рядом с ним стоял мальчик лет десяти, темноглазый, настороженный. Лео узнал в нём Кроу — ещё зрячего, ещё не сломленного. А на заднем плане, в полумраке мастерской, угадывались очертания ещё одной фигуры — женщины, чьё лицо было скрыто тенью.

Он перевернул фотографию. На обороте — несколько строк, написанных выцветшими чернилами:

«С первым лучом света он вложил в неё душу. С последним — заберёт девять. Берегись, сын, если не остановишь его. Лак — это кровь дерева. Дерево помнит всё».

Лео перечитал трижды. Слова были странными, но в них чувствовалась та же маниакальная вера, что и в дневнике отца Кроу. «Лак — это кровь дерева». Теперь понятно, почему экспертиза нашла в нём редкую смолу и неизвестные добавки. Возможно, это не просто лак, а нечто большее — носитель, связывающий дерево с душами. И если он попал под ногти Ирины, значит, она была в контакте с инструментом или с тем, кто его держал.

Внезапно за спиной скрипнула половица. Лео резко обернулся, сунув руку в карман, где лежал перочинный нож. В дверном проёме стоял человек. Это был не Кроу. И не Марк.

— Не ожидал вас здесь встретить, маэстро Грей, — произнёс негромкий, насмешливый голос. — Хотя, если честно, ожидал. Рано или поздно все возвращаются к истокам.

Лео выпрямился, стараясь разглядеть лицо вошедшего. Это был Эдгар Тейт. В тёмном плаще, с непокрытой головой, мокрый от дождя. На губах играла та же странная улыбка, что и на кладбище.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Лео, не сводя с него глаз.

— То же, что и вы. Ищу ответы. Только вы — снаружи, а я — изнутри. — Эдгар сделал шаг вперёд, и его тень упала на верстак, накрыв разбросанные инструменты. — Вы нашли её? Бутылочку с лаком. Ту самую, которой отец Кроу покрыл Aconitum. И не только её.

Лео сжал бутылочку в кармане. Эдгар явно знал о ней.

— Откуда ты знаешь? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Потому что я был здесь раньше. Неделию назад. Я обыскал эту мастерскую вдоль и поперёк, но не нашёл того, что искал. А вы, похоже, нашли. — Эдгар улыбнулся шире. — Это судьба, Лео. Она ведёт вас ко мне.

— Ты убил Ирину?

Эдгар остановился, склонил голову набок, как будто изучая невидимую запись.

— Я никого не убивал. Я лишь слушал. А вот вы, Лео... вы слышали её последние слова? Она пыталась что-то сказать, но её губы уже не слушались. Она звала вас. И держала в руке ключ.

— Какой ключ?

— От старого сейфа в этой мастерской. Того, что за картиной. — Эдгар указал на стену, где, по-видимому, висела картина, теперь снятая. — Она знала о нём, потому что много лет назад Кроу доверил ей свою тайну. Она приходила сюда в ту ночь, чтобы забрать то, что спрятал старик. Но не успела.

Лео перевёл взгляд на стену. Под слоем пыли и паутины угадывался прямоугольный контур — след от картины. Он подошёл ближе, ощупал стену. Нашупал небольшую металлическую пластину, скрытую под обоями. Надавил. Пластина отъехала в сторону, открыв узкую щель, в которую с трудом можно было просунуть пальцы. Внутри было пусто, но на дне что-то блестело.

— Она успела, — произнёс Эдгар за его спиной. — Она забрала ключ. Поэтому её пальцы и сломали. Чтобы никто не догадался, что она держала.

— Кто сломал? — Лео резко повернулся.

— Тот, кто боится, что ключ попадёт в ваши руки. Тот, кто знает, что в сейфе не только деньги и документы, но и нечто, что может уничтожить скрипку. Или, наоборот, наделить её новой силой.

Эдгар сделал ещё шаг, и теперь они стояли почти вплотную. Лео чувствовал его дыхание — холодное, как ветер из подвала.

— Вы хотите знать, кто это? — прошептал Эдгар. — Посмотрите в зеркало, Лео. Только не в разбитое.

Он развернулся и, не прощаясь, вышел из мастерской, оставив после себя запах сырости и недосказанности. Лео остался стоять, сжимая в одной руке бутылочку с лаком, в другой — найденную фотографию. В голове шумело. Что имел в виду Эдгар? «Посмотрите в зеркало. Только не в разбитое». Зеркало из студии Малевича было разбито, и на осколке нашли его отпечаток. Значит, Эдгар намекал, что виновен кто-то, кто отражается в нём самом? Или это была просто очередная игра?

Он вышел на улицу. Дождь усиливался, но Лео не замечал. Он шёл по мокрому тротуару, и в его голове крутились обрывки: сломанные пальцы Ирины, ключ, сейф, лак, чёрная скрипка, отец Кроу, девятый, его собственный отпечаток на зеркале. Всё это складывалось в зловещую мелодию, но какой в ней был аккорд?

Вечером он сидел у себя в квартире, разложив на столе находки. Бутылочка с лаком, фотография, салфетка Ирины, пуговица с нотой. Марк прислал сообщение: «Эксперт готов дать заключение по лаку. Говорит, что в составе есть человеческая кровь, смешанная с растительными экстрактами. Это не обычный лак. Это ритуальный состав, который наносили на инструмент во время обряда. Подтверждает версию о проклятии».

Лео перечитал сообщение несколько раз. Кровь в лаке. Вот почему он был таким тёмным, почти чёрным. Лак — это не просто покрытие, это носитель, в который впитались души. И тот, кто носит этот лак под ногтями, буквально несёт на себе частицу тех, кто был в скрипке. Ирина в последний момент, возможно, не просто держала ключ, а прикасалась к инструменту, к его лаку, пытаясь забрать его часть. Или наоборот — пыталась выбросить.

Внезапно ему в голову пришла мысль. Он вскочил, бросился в прихожую, выдвинул ящик, где хранил старые вещи. Достал коробку с фотографиями и письмами, которые не пересматривал много лет. Среди них — конверт, который он получил вскоре после смерти Нади. Он не вскрывал его, потому что боялся. Теперь, дрожащими пальцами, он открыл конверт.

Внутри лежал локон волос — светлых, детских, перевязанных тонкой лентой. И записка, написанная рукой Нади:

«Папа, если ты читаешь это, значит, я уже ушла. Прости меня за всё. И помни: до-диез — это не ошибка. Это ключ. Не потеряй его. И не верь тому, кто говорит, что я сфальшивила».

Лео упал на стул, сжимая записку. Слезы текли по его щекам, но он не вытирал их. Наконец-то он услышал голос дочери — не из скрипки, а из прошлого, из этой пожелтевшей бумаги. И она говорила то же, что и Кроу: до-диез — ключ. Но ключ от чего?

Он перевернул записку и на обороте увидел ещё одну строку, написанную торопливо, уже другим почерком:

«Асонитит ждёт в доме, где поют мёртвые. Приходи один. Или не приходи вовсе».

Это был почерк Эдгара.

Лео скомкал записку в кулаке и посмотрел на тёмное окно. Дождь всё лил, и в его шуме ему слышался тихий, настойчивый голос, который повторял одну и ту же фразу, как заклинание:

«Играй. Играй. Играй».

Он понял, что выбора нет. Завтра он пойдёт туда, куда зовёт его этот голос. В дом, где поют мёртвые.

Глава 8. Дмитрий Орлов

Третий удар не заставил себя ждать. Он пришёл, как и предыдущие, на двадцать восьмой день — с той же ледяной точностью, с какой смычок падает на струну в начале пассажа. Лео проснулся с ощущением, будто за окном не дождь, а чьи-то пальцы барабанят по стеклу, выстукивая ритм, который он не мог игнорировать. Внутри него звучала одна и та же нота, навязчивая, как пульс, и он понимал: что-то случилось.

Телефон зазвонил, когда он стоял у окна с чашкой остывшего чая. Номер был незнакомый, но он знал: так всегда начинается. Снял трубку, и на том конце — тишина, а потом голос Марка, глухой, как будто он говорил из глубокого колодца:

— Орлов. Коллекционер. Его нашли в загородном доме, в комнате с сейфом. Ты должен приехать.

Лео не спросил, почему Марк звонит с чужого номера. Не спросил, откуда он знает адрес. Он просто ответил: «Еду», — и отключился. В груди разрастался холод, который уже не был просто предчувствием. Это была уверенность человека, который давно разучился удивляться.

Дорога за город заняла меньше часа, но Лео показалось, что он едет сквозь бесконечный серый туннель, где нет ни времени, ни направления. Дождь хлестал по крыше такси, и дворники не справлялись с потоками воды. За окном проплывали голые деревья, покосившиеся заборы, пустые поля. Мир будто выцвел, оставив только размытые контуры — как старая гравюра, с которой сошла краска.

Дом Орлова стоял в глубине сосновой рощи, окружённый ржавой оградой и запущенным садом. Двухэтажный, с мансардой, он выглядел заброшенным, но у входа уже стояли полицейские машины, и жёлтая лента оцепления трепетала на ветру. Лео вышел из такси, поднял воротник пальто и двинулся к калитке. У входа его встретил молодой сержант, но, узнав фамилию, пропустил, буркнув, что Марк ждёт внутри.

В доме пахло сыростью и старым деревом, а ещё — едва уловимым ароматом, который Лео сразу узнал: аконит. Он поднимался по скрипучей лестнице на второй этаж, и чем выше, тем сильнее становился запах, смешанный с чем-то металлическим, сладковатым. В конце коридора, у распахнутой двери, стоял Марк. Его лицо было серым, под глазами залегли тени, но он держался прямо, как человек, который уже видел много смертей и не собирается сдаваться.

— Он в спальне, — произнёс Марк, не оборачиваясь. — Вернее, в комнате с сейфом. Он устроил её в бывшей спальне. Ты должен это видеть.

Лео шагнул через порог и остановился.

Комната была небольшой, но казалась огромной из-за пустоты: ни кровати, ни шкафов, ни стульев. Только голые стены, покрытые трещинами, и в центре — коленопреклонённый человек. Дмитрий Орлов стоял на коленях, выпрямив спину, и руки его были сложены в молитвенном жесте. Голова запрокинута, лицо обращено к потолку, а в груди, чуть левее сердца, торчал смычок. Тёмное дерево блестело в свете единственной лампы, и от него по белой рубашке расплзалось багровое пятно. В зубах Орлова, как чёрная насмешка, был зажат цветок аконита.

Но самым жутким было не это. Лео опустил взгляд и увидел, что сейф, встроенный в стену, открыт. Дверца его висела на одной петле, а внутри, в беспорядке, лежали пачки денег, перевязанные резинками, какие-то документы, драгоценности — всё нетронуто. Не хватало только одного. Лео не нужно было спрашивать. Он знал.

— Скрипка, — произнёс он тихо. — Здесь была скрипка.

Марк кивнул.

— Да. Похоже, её забрали. Но деньги не тронули. Это не ограбление.

— Это ритуал, — сказал Лео, опускаясь на корточки. Он не касался тела, но его взгляд скользил по деталям: по рукам, сложенным в молитве, по коленям, вдавленным в пыльный

ковёр, по лицу, на котором застыло выражение не ужаса, а какого-то странного, почти блаженного смирения. Казалось, Орлов умер не в агонии, а в момент, когда его душа уже отделилась от тела, оставив после себя лишь эту коленопреклонённую оболочку.

— Эксперт говорит, смерть наступила от проникающего ранения в сердце, — продолжал Марк. — Смычок вошёл сзади, но тело потом перевернули и поставили на колени. Следов борьбы нет. Дверь была заперта изнутри.

— Заперта изнутри? — Лео поднял голову. — Но как?

— Окно в ванной было приоткрыто. Но там решётка, не пролезть. Мы проверяли.

Лео медленно поднялся, подошёл к сейфу. Внутри, среди пачек денег, он заметил краешек фотографии, придавленный стопкой банкнот. Он наклонился, осторожно, двумя пальцами, вытащил снимок. Это была старая фотография, пожелтевшая, с трещиной посередине. На ней — девять скрипачей 1975 года, стоящих в кругу в малом зале консерватории. Среди них — он сам, молодой, напряжённый, и Надя, бледная, с испуганными глазами. И остальные, чьи лица теперь казались тенями с того света.

— Что это? — спросил Марк, заглядывая через плечо.

— Список, — ответил Лео, не сводя глаз с снимка. — Наш список.

Он перевернул фотографию. На обороте, выцветшими чернилами, было написано: «Девятая, наконец». Лео почувствовал, как пол уходит из-под ног. Эти слова он уже видел. Они снились ему, они звучали в голове, они были написаны на стенах его памяти. Теперь они обрели физическую форму.

— Это почерк Кроу? — спросил Марк.

— Не знаю. Но это тот, кто знает о записи. О девяти душах. О скрипке.

Лео положил фотографию в карман, рядом с бутылочкой чёрного лака и запиской Нади. Грудь сжимало от осознания: убийца не просто забирает жизни, он оставляет послания, играет с ним, как с марионеткой. И каждая новая смерть — это не просто шаг в ритуале, а ещё и приглашение. Приглашение для него, Лео, — прийти и сыграть свою роль.

Они вышли из комнаты, оставив криминалистов работать. В коридоре было темно и тихо, только дождь стучал по крыше. Лео присел на подоконник, сжимая фотографию в руке. Марк встал напротив, скрестив руки.

— Что теперь? — спросил он.

— Теперь мы знаем, что убийца забирает скрипки. Вернее, одну скрипку — ту, что была у Орлова. Он коллекционер, у него их много, но пропала именно одна, та, что стояла на отдельной подставке. Я видел пустое место.

— Ты думаешь, это была Aconitum?

— Не знаю. Может быть, её копия. Или та самая, которую Орлов хранил после смерти Кроу-старшего. Но убийца охотится за ней.

Марк помолчал, потом сказал:

— Лео, я проверил алиби Эдгара. В ночь убийства Орлова он был на смене в филармонии. Несколько свидетелей подтверждают. Но это ничего не доказывает — у него могли быть сообщники.

— Сообщники... — Лео задумался. — Или он сам научился быть в двух местах одновременно. Или он не тот, за кого себя выдаёт.

Он встал, подошёл к окну, выглянул в сад. Под старым дубом, на мокрой траве, что-то белело. Лео прищурился. Это был лист бумаги, придавленный камнем. Он открыл окно, спрыгнул вниз, не обращая внимания на дождь, поднял бумагу. Она была сложена вчетверо, и на ней — тот же каллиграфический почерк.

«Вы нашли фотографию. Хорошо. Теперь вы знаете, что девятая — не просто цифра. Это нота. И она прозвучит, когда вы будете готовы. А пока — следуйте за мной. В дом, где поют мёртвые. Там вас ждёт скрипка, которая всё помнит».

Внизу, вместо подписи, был нарисован цветок аконита.

Лео вернулся в дом, весь мокрый, но, не чувствуя холода. Он показал записку Марку.

— «Дом, где поют мёртвые», — прочитал Марк и нахмурился. — Это что, загадка?

— Не загадка. Это адрес.

— Какой?

Лео сжал бумагу в кулаке.

— Мастерская Кроу. Вернее, дом его отца. Тот, где всё началось. Я знаю, где это.

Он развернулся и пошёл к выходу, не дожидаясь Марка. В голове звучала нота до-диез, и впервые она не пугала, а звала. Он был готов.

На улице дождь превратился в ливень, и небо, казалось, опустилось на землю. Лео сел в такси, Марк — следом. Вера позвонила как раз в тот момент, когда они выехали на трассу. Лео нажал громкую связь.

— Я видела новости, — сказала она, и голос её был испуганным, но не паническим. — Это Орлов?

— Да, — ответил Лео.

— Я еду к вам.

— Нет. Оставайся дома. Запри двери. Не впускай никого.

— Но...

— Вера, послушай меня. Это приказ. Я не хочу, чтобы ты была следующей.

В трубке помолчали. Потом:

— Ты думаешь, я в опасности?

— Мы все в опасности. Но ты — особенно. Потому что ты дочь своего отца. И потому что ты знаешь правду.

Он отключился. Марк покосился на него.

— Думаешь, её могут тронуть?

— Не знаю. Но Эдгар упоминал её. И она была связана с ним. Пока не выясню, насколько, — держу на расстоянии.

Машина неслась по шоссе, разбрызгивая лужи. Лео смотрел в окно, на серые деревья, и думал о том, что скоро окажется в доме, где всё началось. В доме, где поют мёртвые. И где его ждёт скрипка, которая всё помнит.

Он не знал, вернётся ли. Но знал, что если не поедет, то следующие двадцать восемь дней превратятся в вечность.

Глава 9. Связь

Машина неслась по мокрому шоссе, рассекая серую пелену дождя, и Лео, прижавшись лбом к холодному стеклу, смотрел, как за окном проплывают голые деревья, покосившиеся столбы, пустые поля. Мир казался обесцвеченным, лишённым теней, и только ритм дворников, мечущихся по стеклу, задавал темп, похожий на медленное, неумолимое вступление к чему-то страшному. Он не проронил ни слова с тех пор, как они выехали за город, но в голове его звучал оркестр из обрывков, фактов, деталей — и все они, наконец, начинали складываться в единую, пугающе стройную мелодию.

Марк сидел за рулём, вцепившись в баранку, и изредка бросал на Лео короткие, тревожные взгляды. Он чувствовал: его друг снова уходит в себя, в те глубины, откуда не возвращаются без потерь. Но молчал. Он знал, что вопросы сейчас не помогут. Нужно было просто ехать, слушать дождь и ждать, когда Лео заговорит сам.

Наконец, когда впереди показался поворот на старую, заросшую просёлочную дорогу, Лео оторвал взгляд от окна и произнёс негромко, но отчётливо:

— Связь.

— Что? — переспросил Марк, чуть сбавив скорость.

— Всё это время я искал мотив, — продолжал Лео, не глядя на него. — Думал, что убийца мстит за что-то, или хочет заполучить инструмент, или просто безумен. Но всё проще. Всё связано одной нотой. Одной фальшивой нотой, которую мы все сыграли пятьдесят лет назад.

Марк нахмурился, но промолчал, ожидая продолжения.

— Малевич был правшой, но смычок держал левой. Ирина сломала пальцы посмертно. Орлов стоял на коленях, хотя был убит сзади. Всё это — не случайность. Это послания. Убийца не просто убивает — он ставит нас в те же позы, в которых мы стояли в том зале, в ту ночь. Вспомни: Малевич стоял первым, с краю. Ирина — вторая, она стояла слева от Нади. Орлов — третий, он был за моей спиной. И теперь каждый из них умирает в той же последовательности, в какой звучали их голоса в Чаконе.

Марк побледнел, но не отвёл глаз от дороги.

— Ты хочешь сказать, что убийца воспроизводит ту ночь? Как ритуал?

— Да. Только не воспроизводит, а завершает. Тогда мы все сфальшивили в одном месте — на сорок седьмом такте, на до-диез. И эта фальшь разорвала не только музыку, но и наши души. Каждый из нас унёс с собой осколок той ноты, как занозу. И теперь убийца вынимает эти занозы. Одну за другой.

Он замолчал, глядя на свои руки, лежавшие на коленях. Пальцы правой, повреждённой, всё ещё не сгибались до конца, но он уже почти не замечал боли.

— А я? — тихо спросил Марк, хотя знал, что не входил в ту девятку. — Я-то здесь при чём?

Лео повернулся к нему, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на жалость.

— Ты — случайный свидетель. Как и Вера. Но убийца не тронет вас, если вы не будете мешать. Ему нужны только те, кто стоял в кругу. Осталось шестеро. И я — один из них.

— Но ты же сказал, что сыграл чисто. Что ты не фальшивил.

— Это неважно. Я был в кругу. Я часть аккорда. И девятый, судя по всему, — именно я.

Он сунул руку в карман и вытащил смятый листок, найденный на могиле Орлова. Развернул. На бумаге, размытые дождём, но всё ещё различимые, были строки:

«Вы нашли фотографию. Хорошо. Теперь вы знаете, что девятая — не просто цифра. Это нота. И она прозвучит, когда вы будете готовы. А пока — следуйте за мной. В дом, где поют мёртвые. Там вас ждёт скрипка, которая всё помнит».

— Это он, — прошептал Лео, глядя на рисунок аконита внизу. — Это он зовёт меня. И я должен идти.

Машина свернула на просёлочную дорогу, и сразу стало темнее: по обе стороны сомкнулись мокрые ели, их лапы скребли по крыше. Марк сбросил скорость до минимума — дорога была разбитой, полной ям, в которых стояла мутная вода. Фары выхватывали из сумрака то покосившийся забор, то ржавый остов какого-то сельскохозяйственного механизма, то одинокую ворону, сидевшую на столбе и провожавшую их взглядом.

— И куда дальше? — спросил Марк.

— Прямо, до конца. Дом стоит в низине, у ручья. Я был здесь однажды, очень давно. Тогда ещё был жив отец Кроу.

— И что это за место?

Лео помолчал.

— Это не просто дом. Это мастерская, где была создана *Aconitum*. Отец Кроу построил её вдали от города, чтобы никто не слышал, как он работает с деревом. Говорят, он проводил там дни и ночи, пока не ослеп. А потом дом забросили. Но не совсем.

— Что значит «не совсем»?

— Значит, что скрипка до сих пор там. Или, по крайней мере, была. В сейфе Орлова пропала не просто скрипка — пропала та самая, которую он купил у Кроу-старшего перед смертью. И убийца, забрав её, привёз сюда. В дом, где всё началось.

Марк ничего не ответил. Он лишь крепче сжал руль, и костяшки его пальцев побелели. Дождь усилился, барабанил по крыше так, что приходилось почти кричать. Но они уже приехали.

Дом показался внезапно, как призрак: двухэтажный, тёмный, с провалившейся крышей и пустыми глазницами окон. Он стоял в низине, окружённый кривыми берёзами и высокой, по пояс, мёртвой травой. От ручья, протекавшего позади, тянуло сыростью и гнилью. В воздухе висел запах прелых листьев и чего-то ещё — сладковатого, приторного, отчего у Лео запершило в горле. Аконит.

Они вышли из машины. Ноги сразу утонули в раскисшей грязи. Лео поёжился, поднял воротник, огляделся. Вокруг — ни души, только шум дождя и ветра, гулявшего в кронах. Дом молчал, но это молчание было обманчивым. Лео чувствовал: оттуда, из тёмных провалов окон, на него смотрят. И слушают.

— Будь начеку, — тихо сказал он Марку, который уже достал пистолет и держал его стволом вниз. — Если что-то пойдёт не так — беги.

— Ага, — усмехнулся Марк, — и оставлю тебя здесь одного. Ты же знаешь, что я так не сделаю.

Они двинулись к дому. Крыльцо прогнило, но ступени ещё держали. Лео поднялся первым, толкнул дверь. Она подалась с жутким скрипом, будто вздохнула. Внутри было темно, но не настолько, чтобы ничего не видеть: сквозь щели в досках сочился серый свет. Пахло плесенью, пылью и старым деревом.

— Здесь кто-то был, — сказал Марк, указав на пол. На досках, покрытых слоем пыли, отчётливо виднелись следы. Свежие, с комьями грязи. Они вели вглубь дома, в сторону лестницы.

— Это наши? — спросил Лео.

— Нет, мы только вошли. Это кто-то другой. Возможно, убийца.

Они переглянулись. Лео сжал в кармане бутылочку с чёрным лаком, как талисман. Потом они двинулись по следам, ступая осторожно, стараясь не шуметь. Половицы скрипели, но дождь заглушал шаги. В доме было холодно, как в склепе, и откуда-то снизу, из подвала, тянуло ледяным воздухом.

Следы привели их к лестнице, уходящей вниз. Внизу было совсем темно, но из глубины доносился звук — тихий, едва различимый. Лео замер, прислушался. Это была скрипка. Одна-единственная нота, повторяемая снова и снова. До-диез.

— Слышишь? — прошептал он.

Марк кивнул, и его лицо стало пепельным.

— Это она. Она играет сама.

Они начали спускаться. Ступени были каменными, скользкими от сырости. С каждым шагом звук становился громче, и теперь Лео слышал не просто ноту, а целую фразу, многоголосную, как будто в подвале играл невидимый оркестр. И в этой музыке были голоса: Малевич, Ирина, Орлов — они пели ту самую фальшивую до-диез, но теперь их голоса звучали не фальшиво, а странно, искажённо, как в замедленной записи.

Внизу, в просторной комнате с каменными сводами, стоял верстак, а на нём — раскрытый футляр. Внутри, на чёрном бархате, лежала скрипка. Aconitum. Настоящая. Её чёрный лак блестел, несмотря на тьму, а струны, натянутые до предела, дрожали, издавая тот самый звук. Рядом, на полу, сидел человек.

Это был Кроу.

Он сидел, скрестив ноги, и его слепые глаза были устремлены в пустоту. На его лице не было ни страха, ни радости — только глубокая, нечеловеческая усталость. Он не повернулся к вошедшим, но заговорил, и голос его был тих, как шелест сухой листвы.

— Ты пришёл. Я знал, что ты придёшь. Но пришёл не один.

— Маэстро, — выдохнул Лео, делая шаг вперёд. — Что здесь происходит? Почему скрипка играет?

Кроу медленно повернул голову к нему, и Лео показалось, что в его слепых глазах мелькнуло отражение пламени свечи, которой не было.

— Она не играет, Лео. Она поёт. Поёт тех, кто в ней. И она ждёт.

— Чего ждёт?

— Твоей ноты. Твоей до-диез.

Лео замер. Всё, о чём он догадывался, подтверждалось. Скрипка была не просто инструментом — она была тюрьмой для девяти душ. И он, девятый, должен был освободить их. Или запереть навсегда.

— Я не могу играть, — прошептал он, глядя на свою раненую руку. — У меня нет смычка.

Кроу усмехнулся — едва заметно, одними уголками губ.

— Смычок не нужен. Нужна воля. Воля и любовь. Ты же любил её, свою дочь. Любовь — это единственный смычок, который не ломается.

Он протянул руку и указал на футляр.

— Подойди. Возьми её. И сыграй.

Лео колебался. Марк, стоявший за его спиной, сжимал пистолет, но не вмешивался. В подвале было тихо, только скрипка всё пела, и её песня разрывала сердце.

И тогда Лео сделал шаг. Потом ещё. Он подошёл к верстаку и, не дыша, коснулся чёрного лака.

Скрипка вздрогнула, как живая, и умолкла.

— Вот и всё, — прошептал Кроу. — Теперь ты слышишь.

И в наступившей тишине Лео услышал нечто, от чего кровь застыла в жилах: девять голосов, слившихся в один, произнесли его имя.

«Лео».

Глава 10. Архивы

Тишина, наступившая после того, как скрипка умолкла, была не просто отсутствием звука. Она была живой, плотной, как вода, сомкнувшаяся над головой, и Лео почувствовал, что его уши, привыкшие за последние недели к постоянному гулу, вдруг оказались в странном, почти болезненном вакууме. Девять голосов, слившихся в один, ещё звучали в его голове, но уже не как слова, а как эхо, которое медленно затухало, оставляя после себя лишь лёгкое покалывание в кончиках пальцев. Он стоял у верстака, не решаясь убрать руку с чёрного лака, и чувствовал, как дерево под его ладонью становится всё теплее, будто скрипка впитывала его собственное тепло, его страх, его надежду.

Кроу сидел на полу, скрестив ноги, и его слепое лицо было обращено к Лео с выражением, которое трудно было истолковать: не то ожидание, не то облегчение, не то глубокая, вьевшаяся в кости усталость человека, который слишком долго нёс бремя и наконец позволил себе опустить плечи. Марк стоял чуть позади, всё ещё сжимая пистолет, и его дыхание, прерывистое, выдавало напряжение, сковавшее его тело.

— Она признала тебя, — произнёс Кроу, и голос его прозвучал глухо, как будто из-под толщи земли. — Ты слышал их. Всех девятих. Они звали тебя.

Лео медленно убрал руку. Пальцы дрожали, но он не отвёл взгляда от скрипки, лежавшей в футляре. Её чёрный лак, ещё секунду назад блестящий, теперь казался матовым, успокоенным, словно инструмент наконец-то насытился.

— Что это было? — спросил он, и собственный голос показался ему чужим, хриплым.

— Это был первый шаг, — ответил Кроу. — Скрипка ждала тебя пятьдесят лет. Она помнит ту ночь лучше, чем любой из нас. И теперь, когда ты прикоснулся к ней, она знает: девятый пришёл.

— Но я не понимаю, что делать дальше. Она ведь не зазвучала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.